

*Сербина Т. Г.,
доцент кафедри міжкультурної комунікації
і історії мирової літератури
Ровненського державного гуманітарного університету*
*Чеберяк А. М.,
доцент кафедри романо-германської філології
Ровненського державного гуманітарного університету*

НЕПРЯМА КОМУНІКАЦІЯ В ГАЗЕТЕ (НА МАТЕРІАЛІ АНАЛІТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ Ю. МОСТОВОЙ)

Аннотация. В статье рассматривается понятие непрямой коммуникации, способы выражения и приемы ее использования в качестве планируемого стилистически маркированного средства в аналитических статьях ведущего журналиста и редактора еженедельника «Зеркало недели» Юлии Мостовой. Среди приемов анализируются ирония, прецедентность текстов, имен, эвфемизмы, окказиональное речетворчество, метафоры, перифразы.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, язык газеты, подтекст, ирония, эвфемизмы, прецедентные тексты, прецедентное имя, метафора.

Постановка проблемы. Когнитивно-коммуникативная парадигма исследования языка позволила современным лингвистам выйти за пределы изучения «языка в себе» и сосредоточить внимание на его функционировании, т. е. на речевой деятельности, на феномене порождения и понимания высказывания. Эта парадигма, считают лингвисты В. Дементьев, Э. Паремузашвили [1; 5], вобрала в себя теорию речевой деятельности А. Леонтьева, теорию речевых жанров М. Бахтина, теорию речевых актов Дж. Остина, Д. Серля и Г. Грайса. В основу понятия непрямого коммуникативного легла теория косвенных речевых актов.

Анализ последних исследований и публикаций. На непрямо коммуникативную как языковую категорию впервые обратили внимание ученые в конце XX в., однако стимулом к изучению этого феномена стала опубликованная в 2006 г. монография В. Дементьева «Непрямая коммуникация» [1]. Проф. В. Дементьев положил начало исследованию теории непрямого коммуникативного, дал определение и обозначил рамки этого явления, раскрыл основные средства выражения непрямого коммуникативного, представил жанровые аспекты непрямого коммуникативного.

Основные исследования в этой области принадлежат таким ученым, как: Т. Гридина, А. Марюхин, Т. Нестерова, Л. Крысин, Э. Паремузашвили, И. Прибыток, К. Седов, М. Филипова и др. Материалом для подобных исследований служили преимущественно художественные тексты и обиходная речь. Что касается медиатекстов, то тут, на наш взгляд, открывается широкое поле возможностей изучения непрямого коммуникативного как в речи отдельных авторов, так и в газетном дискурсе в целом.

Целью статьи является анализ использования непрямого коммуникативного как преднамеренного способа передачи коммуникативно-прагматического содержания (средства воздействия и манипулирования) в публикациях отдельных авторов, в частности ведущего журналиста и главного редактора еженедельника «Зеркало недели» (далее – ЗН) Юлии Мостовой.

Изложение основного материала. Вслед за В. Дементьевым под непрямо коммуникативной (далее – НК) понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [1, с. 5]. НК рассматривалась ранее под разными терминами, в частности, в большей мере использовались понятия косвенных речевых актов, эвфемизмов, подтекста, речевых импликаций, иронических высказываний, окказионального речетворчества и т. п.

Непрямая коммуникация может быть непланируемой и планируемой. В. Дементьев выделяет два типа НК: первый тип понимается как «неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего»; второй тип НК «используется сознательно, как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта» [1, с. 142].

В нашем случае мы будем говорить о планируемой НК, то есть специально ориентированной на выполнение тех или иных целей. Адресант изначально строит свою речь так, чтобы воздействовать на адресата через неясные смыслы, но при этом чтобы не упускался из виду главный продуцируемый смысл высказывания. В случаях непрямого воздействия всегда существует свобода интерпретации. Адресант с точностью не может предвидеть, какие смыслы выведет из его высказывания адресат, поскольку реципиент может не только вывести из высказываемого задуманный смысл, но и добавить свой, опираясь на собственный коммуникативный опыт.

Таким образом, планируемая непрямо коммуникативная требует от ее участников высокой интеллектуальной деятельности, адекватного лингвокультурного знания, наличия фонового контекста. По мнению В. Дементьева, «фоновую информацию, которая стоит за определенными коммуникативными ситуациями и активно участвует в формировании и передаче общего смысла высказываний, составляют знания, коллективные представления и понятия, зафиксированные в системе концептов конкретного языка, данной национальной культурно-языковой картине мира. Дополнительная смысловая нагрузка концептов происходит из того, что они называются понятиями, ситуациями, имеющие высокий иерархический статус в языковой картине мира» [1, с. 118]. К коммуникативным единицам, имеющим дополнительную нагрузку за пределами собственного текста, относятся не только единицы-слова, концептуализировавшиеся в языковом сознании носителей языка, но и прецедентные тексты.

Известно, что одной из основных черт, характерных для языка современных средств массовой информации (далее – СМИ), является демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации. Поэтому авторы газетных публикаций стараются использовать все возможные способы и средства для достижения важнейшей функции газеты – функции воздействия. Одним из таких способов, к которому прибегают авторы исследуемых материалов, является непрямая коммуникация.

Единых классификационных критериев для группирования средств выражения непрямого общения в лингвистике пока не существует, поэтому предпримем попытку описать те приемы, которые чаще всего встречаются в аналитических публикациях Ю. Мостовой. Общий тон ее публикаций насмешливый, иронический.

К средствам НК, которые использует автор, можно отнести подтекст, иронию, эвфемизмы, тропы, прецедентные высказывания.

Исследуемые публикации насквозь пронизаны намеками, иронией, эвфемизмами, прецедентными именами и выражениями с целью ухода от прямой критики существующей власти и деяний властных структур. Все эти приемы переплетаются и создают тот текст, который необходим автору, чтобы заставить адресата поработать интеллектуально, включить ассоциативные связи и, опираясь на свой лингвокультурологический опыт, в итоге расшифровать имплицитные смыслы, заложенные в высказываниях.

Подтекстовые смыслы раскрываются при помощи пресуппозиции: *Ясно одно: если бы 68% граждан заплатили налоги, а 70% пассивного населения проявили готовность контролировать их использование, то не пришлось бы носить конверты ни врачам, ни учителям, «потому что у них такие маленькие зарплаты»* [18]. Подтекст создается путем намеков, и они выводятся из пропозиции: 68% граждан страны не платят налоги, 79% граждан – пассивны. Налоговые доходы страны нужно контролировать. У учителей и врачей маленькие зарплаты, поэтому граждане страны дают им взятки. Взятки носят в конвертах. Смысл сказанного: если все это исправить, т. е. наполнять бюджет налогами (каждый гражданин Украины должен честно платить налоги) и контролировать их использование, то врачи и учителя (читай – бюджетники) получали бы адекватные зарплаты.

Пресуппозиции могут реализовываться за счет прецедентных текстов (в широком понимании) и имен. Прецедентные тексты составляют основу фоновых знаний. По мнению Ю. Караулова, прецедентными мы можем назвать тексты при условии, что они «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; имеют сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 105]. Зная прототип прецедентного текста, имени, названия, мы можем истолковать смысл интенций адресанта.

Многие публикации Юлии Мостовой имеют заглавия, построенные с привлечением разного рода фразеологизмов, паремий, стихотворных и песенных строк, рекламных слоганов, афоризмов, крылатых высказываний, имен. Например, чтобы понять заголовок «Не отрекаются любя...» [16] и то, о чем пойдет речь в статье, нужно вспомнить одноименную песню на

слова и музыку Аллы Пугачевой. В статье речь идет о том, что, несмотря на тяжелую экономическую и политическую обстановку в стране, люди, любящие свою Родину и готовые за нее бороться, не уезжают из страны. Пресуппозицией этого заглавия является текст песни.

Другое название статьи строится из слов детской считалки из мультфильма «Веселая карусель» «Мы делили апельсин <...>» [12]. Прототипом является следующий текст: Мы делили апельсин./ много нас, а он один./ Эта долька – для ежа./ Эта долька – для стрижа./ Эта долька – для утят./ Эта долька – для котят./ Эта долька – для бобра./ А для волка – кожура./ Он сердит на нас – беда!/ Разбегайтесь кто – куда! Ю. Мостовая пишет о предполагаемом развале коалиции в Верховной Раде после отставки премьер-министра А. Яценюка. Ассоциации со считалкой раскрываются и в самом тексте, а именно там, где говорится о дележе портфелей в случае избрания нового правительства:

«Младшие» хотят перемен. Часто бессистемно, иногда безответственно, не имея представления, к чему приведут их шаги. Но все же – перемен.

«Средним» все мерещится сочный апельсин украинской экономики, дольки которого традиционно достаются на пропитание фракциям, находящимся в коалиции. Вот только, как заметил руководитель одной из крупнейших отечественных госкомпаний: «Апельсина уже нет. Есть высохшая, заскорузлая мандаринка. Капли сока которой не способны утолить жажду всех алчущих» [12].

Автор использует метафору, сравнивая экономику страны с апельсином, который делили в детской считалке. Однако «апельсин»-экономика усох и превратился в маленькую «мандаринку», которую невозможно разделить на всех. И далее Ю. Мостовая гневно называет всех торгующихся за должности «апельсиновыми вампирами», то есть людьми, высасывающими «соки» из украинской экономики: *«И тянутся, тянутся пасти к сокам «Укргаздобычи», МинаПК, Минэкологии, Минздрава, «Укроборонпрома», Минтранс, экологической полиции... Они – апельсиновые вампиры, они хотят есть»* [12].

Использование прецедентного имени (далее – ПИ) наблюдаем в статье с названием «Пролетая над гнездом Феникса» [8]. Феникс – сказочная птица, которая, предвидя смерть, сжигает себя, а затем возрождается из пепла. Феникс – это символ вечного обновления, бессмертия. Автор называет президента сказочной птицей, так как после полного политического фиаско в 2005 г. (скандального заявления 5 сентября 2005 г. А. Зинченко о коррупционных действиях П. Порошенко) он смог восстановить свой политический имидж и избраться президентом страны. В другой статье прецедентное имя служит сигналом и отсылкой к прецедентному тексту: *Надежда Викторовна (Савченко – Т. С.; А. Ч.), конечно, Маугли среди людей. Но кто сказал, что рядом с ней нет Багиры в очень трезвом уме и ясном сознании? Находящейся в постоянном контакте с питоном* [20]. Приведенное предложение не может быть адекватно интерпретировано без знания соответствующего текста (книги Р. Киплинга «Маугли»), из которого взяты ПИ. И характеристика Н. Савченко не может быть понята без наличия фоновых знаний у адресата. Еще примеры использования прецедентности в заголовках: *Рюкзаки с двойным дном* [17], *Древо жизни* [19], *Временное правительство* [13], *Шпион, выйди вон!* [9] и подзаголовках: *И примешь ты смерть от коня своего...* [14]. Использование прецедентности в качестве экспрессивно-выра-

зительного средства отражает креативную языковую личность, создающую оригинальные тексты и заглавия к ним, может служить маркером идиостиля журналиста.

В. Серкина считает, что «единство фоновых знаний позволяет журналисту, используя прецедентные тексты, одновременно достичь следующих целей: вызвать у читателя/слушателя определенные, заранее программируемые ассоциации и сэкономить языковые средства в процессе интерпретации описываемых фактов». С другой стороны, читатель «в процессе декодирования испытывает ощущение принадлежности к определенному культурному и языковому коллективу, что дает возможность стать соавтором медийного текста» [3, с. 9].

Выступая в качестве аналитика, автор привлекает интеллектуальные приемы воздействия, среди которых наиболее эффективным является ирония. Ирония занимает особое место в публикациях Ю. Мостовой.

Ирония – тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме [4, с. 225]. По словам В. Дементьева, «ирония – это такая агрессия, в которой говорящий не может быть уличен» [1, с. 74]. В медиатекстах ирония создается при помощи антифразиса, эвфемизмов, градации, окказионального речетворчества, метафоры, перифразы.

Антифразис – это контраст между контекстуальным значением слова и предметно-логическим. Для антифразиса характерно употребление позитивно оценочных слов, в контексте меняющих свой смысл на прямо противоположный: *Все назначенцы Порошенко – это удлинители рук лучшего дипломата, лучшего военного стратега, лучшего банкира, лучшего прокурора. Президент искренен в абсолютной убежденности в собственной полигенальности* [8]; *<...> из разных «правд» – для Запада, для своих и для себя – вырастает все то, что мы так сильно ненавидим: коррупция, отсутствие справедливости, разрушение экономики, слабость государства, разобщенность общества и ощущение безысходности <...>* [11]. В этих примерах гипертрофированная похвала превращается в осуждение, а утверждение – в отрицание.

Ирония может выражать негативную оценку, не прибегая к антифразису. Другим ироническим приемом в статьях Ю. Мостовой является использование эвфемизмов. Основная цель эвфемистических замен – стремление избежать коммуникативного дискомфорта, смягчение табуированных слов и выражений. С другой стороны – это вуалирование существа дела, когда оно касается описания действий силовых структур, власти, неблагоприятных поступков. Например, в статье «Кровотечение», посвященной массовому отъезду граждан Украины на работу в страны Европы, находим следующие эвфемизмы: *носить конверты* (давать взятки в конвертах), *людей с руками, выросшими не из нижних плечей* (из задней части тела); *«благодарности учителям»* (взятки); *знакомцы, замеченные в небескорыстном голосовании; группа лиц, отзывчивых к материальному стимулированию волеизъявления; разменять будущее на кутюры* (голосовать за деньги); *унести ВСЕ заработанное в дом* (украсть); *мифы в буденовках* (советские); *мифы в конфедератках* (националистические, бандеровские); *цех сборки поверхностных репортажей и полуфейковых новостных лент* (журналисты, пишущие заказные материалы); *чистки именов лояльности* (массовые увольнения) [18]. Примеры из других публикаций: *телефон «зумер»* (не отвечал); *«большая рыба»* (высокопоставленный чиновник); *особа, приближенная к императору* (ближайшее окружение президента); *задержан*

(взят под стражу); *Насирова НАБУ «вело»* (следило); *«ручные» ГПУ, НАПК, СБУ* (т. е. управляемые президентом); *«вольная» компании Онищенко* (отсрочка рентных платежей); *«утечка» материалов* (огласка); *первые лица украинской власти* (президент, премьер и др.) [15]; *«дети»* (молодые активисты); *«дочка» банка* (филиал); *полная пазуха полтавских корней* (большой грудью); *другой мир* (страны Евросоюза); *обнести банк* (обмануть) [11]; *меня «слушают»* (фиксируют разговоры с помощью подслушивающих устройств); *«потрошат» фирмы* (занимаются рэкетом) [16]; *«трут» с Сурковым* (ведут переговоры); *активность «голубей» и «ястребов»* (т. е. придерживающихся мирного плана решения конфликта и силового) [8]; *«стикеры власти»* (депутаты от БПП) [20]. Как видно из примеров, во многих случаях на эвфемизацию слов и выражений указывают параграфические средства – кавычки.

Иронию может выражать и прием восходящей градации, то есть нагнетание каких-то признаков, действий с целью эмоционального воздействия на читателя: *Для Петра Алексеевича публичное общение – это конек, это кайф, это то, что он умеет делать лучше всего* [8]; *Важно не забрасывать ножку на второй срок президентства, а «сгореть» в операционной – удаляя, имплантируя, резецируя, реанимируя организм украинского государства, общество и экономику, чьи болезни обострились, а до этого копились годами, десятилетиями, а некоторые – веками* [8]; *Решение по премьерскому вопросу президент принимал тяжело. Тянул, откладывал, тер, перетирал, комбинировал, импровизировал, советовался с «жертвой»... И, наконец, принял. Яценюк должен уйти в отставку* [12].

Обладают ироническими негативно-коннотативными оттенками и создаваемые автором окказионализмы, нарушающие нормы литературного языка: *всесамособойрассылающее чудо*; рецепты развития, а не *долговозвращения*; отречься от *фэйсбукозатворничества* [11]; *компроматоизвержение, межполигархическая* [14]; лишились одного из основных *кормильцев, поильцев и одевальцев* [15]; *пиар-обаяние, потокоохвачивание: экономикаубивающие* перлы МВФ [12]; *премьер-министр-петр-порошенко* [8]; *вынужденно-президентский законопроект* [16]; *сузколобили* аппарат [19]. Следует признать, что окказиональное речетворчество без контекста затрудняет понимание и не кажется экспрессивным или ироничным. Свой потенциал такого рода слова реализуют только в тексте, и именно текст всей публикации гарантирует адекватность интерпретации. В предложении *«Если президент достигнет своей цели и получит собственное большинство и правительство, то, с высокой вероятностью, премьер-министра-петра-порошенко будут звать Владимир Гройсман»* [10] пресуппозиции таковы: 1) президент стремится контролировать парламент; 2) в парламенте создается большинство; 3) большинство может избрать правительство; 4) президенту необходимо подконтрольное большинство; 5) избранное контролируемым большинством правительство будет подчиняться и контролироваться президентом, независимо от того, кто будет премьером; 6) Владимир Гройсман – близкий и проверенный человек президента. Итоговый смысл: если задуманное президенту удастся, то кем бы ни был премьер-министр, он будет, в итоге, выполнять его волю.

Огромным потенциалом с точки зрения непрямої комунікації мають метафори. Вони відрізняються високою образністю і орієнтацією на наглядне мислення. Ю. Мостова,

анализируя и критикуя происходящие события, действия первых лиц государства, часто облекает свои мысли в метафорическую форму, вызывая у читателя зрительные образы. Некоторые статьи представляют собой развернутую метафору, которая проходит через весь текст. Например, статья «Кровотечение». Само название ни о чем не говорит, если не обратиться к содержанию. В публикации приводятся статистические данные опроса Киевского международного института социологии относительно причин, по которым граждане Украины покидают свою страну. Все ответы комментируются авторами, и именно комментарии представляют собой интерес с точки зрения аналитики и формы, в которой она выражена. В основе используемых метафор лежит сравнение с жизненно важным процессом в организме человека – кровообращением: если оно нарушается, человек заболевает. На основе этого метафорического переосмысления используются следующие слова и выражения: *человеческое кровотечение приобрело масштаб национальной угрозы; кто перельется к нам, восполняя потерянную кровь?; это вопрос профессионального и культурного уровня донорской крови; 42,4% опрошенных именно их (олигархов) назвали главным тромбом страны; желание сбежать куда подальше от отечественных кровопийц-олигархов и кровососов-чиновников; другая причина (отъезда) – отсутствие свежей крови в элитах и коррупционный фагоцитоз; обескровит ли страну возможный отъезд граждан, разочарованных в будущем страны, либо, наоборот, станет полезным кровопусканием, в действительности – еще вопрос; вернуть потерянную кровь* [18].

В другой публикации «Битва крысоловов» метафора основывается на сравнении связей олигархических групп в Украине с эффектом «матрешки»: *«Долгий путь олигархов в политике создал целые матрешечные структуры. Например, Ахметов и Коломойский сидят в Яценюке: Яценюк сидит за разделочным столом в партии Порошенко, но у Яценюка с Порошенко отношения весьма непростые, ибо Порошенко руками Яценюка стремится перераспределить в свою пользу то, что дорого Ахметову и Коломойскому»*. Или же: *«Кличко сидит в партии Порошенко, который пригрозил Яценюку, пытающегося вместе с Мартыненко и Иванчуком похоронить химические предприятия Фирташа и, завезя из России удобрения, нанести серьезный урон праотцам Кличко-политика»* [10].

Метафорическую форму имеет и статья «Древо жизни». Библейское название готовит читателя к разговору о чем-то философском и высоком. Приведем начало этой статьи: *«Цветущее дерево со сломанной веткой – так нарисовала войну львовская девочка Настя и написала: «Я очень хочу, чтобы в Украине закончилась война, и люди не должны были бы становиться героями». А имели возможность жить <...>»* [19]. Цветущее дерево со сломанной веткой олицетворяет страну, потерявшую часть территории и одновременно семьи, потерявшие в войне близких. Ю. Мостовая пишет о том, что сломанная ветка – это Донбасс. В статье раскрывается проблема адаптации страны, семьи, отдельного человека в создавшейся ситуации войны. Заканчивают авторы статью таким же метафорическим образом дерева: *«<...> обожженное и сломанное дерево когда-то обязательно восстановится»* [19].

Не менее эффективным приемом преднамеренной непрямой коммуникации являются и перифразы: *агрессивный сосед (Россия); Банковая (администрация президента) [14]; эмиссары президента (доверенные лица); стандартные одежки от МВФ (требования); президентское «средство производства»*

(генпрокурор); *окрас оперения* (цветовая символика партий); *талантливейший коммуникатор и теневой абсорбент* (президент) [8]; *Олигарх № 1* (президент) [12]; *день «Ч»* (чрезвычайное событие) [15]; *один из основных спонсоров «Батькивщины», газетчик-затейник, решила именем президента* (Александр Онищенко) [14]; *дешевые белые и качественные синие воротнички* (чиновники и квалифицированные рабочие) [8].

Ироничную окраску получают в текстах публикаций Ю. Мостовой и другие образные средства – сравнения: *сценарий Савченко – это «одна таблетка для похудения»* [20]; *синекдохи: силовой захват власти предполагает смену головы, которая начнет отдавать команды властному телу* [20]; *антитезы: водораздел на Запад и Восток сменила линия фронта между бедными и богатыми, между бесправными и беззащитными* [20] и другие.

Вывод. Проведенный анализ свидетельствует о том, что Ю. Мостовая умело и эффективно использует в своих публикациях приемы планируемой непрямой коммуникации с целью иронизирования, насмешки над описываемыми событиями или осуждения действий отдельных политических персоналий. Для этого автор использует не только антифразис, который традиционно выражает иронию, но и другие образные средства: эвфемизмы, прецедентные высказывания, тексты, имена, окказионализмы, метафоры, перифразы. Все это позволяет журналисту через не прямые высказывания выражать свою субъективную позицию, оценивать действия существующей власти и критиковать проводимую в государстве политику.

Литература:

1. Дементьев В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
2. Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
3. Серкина В. Прецедентные тексты в региональном медийном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Саратов, 2014. 20 с.
4. Ожегов С. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
5. Нестерова Т. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2005. № 5(47). Ч. 1. С.156–162.
6. Паремужавили Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки). Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1(030). С. 136–142.
7. Прибыток И. Дискуссионные моменты теории непрямой коммуникации. Прямая и непрякая коммуникация: сб. научн. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 16–26.
8. Мостовая Ю. Пролетая над гнездом Феникса. Зеркало недели. 26.09.2014.
9. Мостовая Ю. Шпион, выйди вон! Зеркало недели. 19.06.2015.
10. Мостовая Ю. Битва крысоловов. Зеркало недели. 18.09.2015.
11. Мостовая Ю. Год очищения. Зеркало недели. 28.12.2015.
12. Мостовая Ю. Мы делили апельсин... Зеркало недели. 19.02.2016.
13. Мостовая Ю. Временное правительство. Зеркало недели. 15.04.2016.
14. Мостовая. Ныряют все! Зеркало недели. 02.12.2016.
15. Мостовая Ю. Анализ фискала. Зеркало недели. 03.03.2017.
16. Мостовая Ю. Не отрекаются, любя... Зеркало недели. 19.08.2017.
17. Мостовая Ю. Рюкзак с двойным дном. Зеркало недели. 03.11.2017.
18. Рахманин С., Мостовая Ю. Кровотечение. Зеркало недели. 27.01.2018.
19. Береза А., Мостовая Ю., Рахманин С. Древо жизни. Зеркало недели. 09.02.2018.
20. Мостовая Ю. Перенаправленный взрыв. Зеркало недели. 23.03.2018.

Сербіна Т. Г., Чеберяк А. М. Непряма комунікація в газеті (на матеріалі аналітичних статей Ю. Мостової)

Анотація. У статті розглядається поняття непрямої комунікації, засоби вираження та прийоми її використання як запланованого стилістично маркованого засобу в аналітичних статтях ведучого журналіста та редактора щотижневика «Зеркало недели» Юлії Мостової. Серед прийомів непрямої комунікації аналізуються іронія, прецедентність текстів, імен, евфемізми, okazіональні новотвори, метафори, перифрази.

Ключові слова: непряма комунікація, мова газети, підтекст, іронія, евфемізми, прецедентні тексти, імена, метафора.

Serbina T., Cheberiak A. Indirect communication in the newspaper (based on material of analytical articles by J. Mostova)

Summary. The article deals with the notion of indirect communication, the ways of its expression and methods of using it as a planned stylistically marked mean in the analytical articles of the leading journalist and editor of the weekly "Mirror of the Week" Julia Mostova. Among the analyzed techniques there are irony, the precedent texts, names, euphemisms, occasional speechart, metaphors, paraphrases.

Key words: indirect communication, language of newspaper, subtext, irony, euphemisms, precedent texts, precedent name, metaphor.